

НАЗВАНИЯ ПАМЯТНЫХ ОБЪЕКТОВ ЧЕЛЯБИНСКОЙ ОБЛАСТИ КАК СОСТАВЛЯЮЩАЯ ГЕРОИЧЕСКОЙ ПАРАДИГМЫ

С. А. Путина¹, А. В. Таскаева²

¹Челябинский государственный университет, Челябинск, Россия

²Южно-Уральский государственный институт искусств имени П. И. Чайковского;
Челябинский государственный университет, Челябинск, Россия

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ
и Челябинской области в рамках научного проекта № 20-412-740007

В статье рассмотрены региональные названия коммеморативов на материале памятников и памятных досок Челябинской области. Установлено, что названия памятников либо конкретизированы, либо обобщены, в то время как названия памятных досок в основном представлены личностными героическими идеологемами. Обобщающие коммеморативы включают профессиональную, локальную, временную и даже возрастную составляющие. Личностные коммеморативы представлены посвященными названиями воинам, известным людям области, страны и мира, не всегда связанными с Южным Уралом. Новые региональные коммеморативы отражают тенденции героизации бывших антигероев, постепенного устранения дисбаланса между преобладающими в региональном лингвистическом ландшафте памятными названиями советского периода и новыми героическими идеологемами.

Ключевые слова: коммеморатив; личностная героическая идеологема; обобщающая героическая идеологема; героизация; героическая парадигма.

Введение

Памятные названия играют существенную роль при создании имиджа региона, что весьма актуально в период поиска и переоценки ценностей и необходимости сохранения исторической памяти. В коммеморативах реализуется идеологическая составляющая современного общества, его ценностные ориентиры и национально-культурная специфика.

Целью статьи является изучение коммеморативов как составляющей микропонимической системы лингвистического ландшафта Челябинской области.

Методология

Материалом исследования послужили 300 названий коммеморативных памятников и памятных досок Челябинской области, полученных в результате сплошной выборки с областных сайтов, двенадцатитомного электронного издания «Памятники и памятные доски Челябинска и Копейска», а также анализ комментариев в сети Интернет по поводу установки памятника *Александр II* в Челябинске.

При изучении названий памятников и памятных досок был использован интегральный методологический подход, включающий в себя рассмотрение лингвоконцептуальных смыслов героических идеологем и воплощающих их языковых форм; лингвокультурологический анализ универ-

сальных характеристик и уникальной региональной специфики репрезентации коммеморативов.

Использование критического дискурс-анализа позволяет описать не только функции языка как социального инструмента, но также дать моральную и политическую оценку происходящим в обществе процессам [9. С. 52]. Цель контент-анализа в контексте данной работы — собрать и систематизировать качественные данные о региональных названиях мемориальных объектов.

Исследование и результаты

Одним из значений существительного «памятник», согласно Толковому словарю русского языка С. И. Ожегова, является «скульптура или архитектурное сооружение в память выдающейся личности, исторического события» [17]. Из четырех основных категорий памятников по материалам Большой советской энциклопедии нас интересуют названия памятников монументального искусства, наиболее развитый вид памятников [1].

Убедительным источником эмпирического материала считаем составленное в Челябинске и обновляемое многотомное издание «Памятные доски и памятники Челябинска и Копейска» [13].

О. М. Соколова рассматривает коммеморативные практики в культурном пространстве современного белорусского города как формы репрезентации культурных смыслов, представленные,

в том числе, памятниками и памятными досками, которые помимо эстетической функции выполняют роль инструмента формирования культурно-исторической памяти населения [19].

Р. В. Разумов анализирует особенности названий-посвящений, встречающихся в городах Центрального федерального округа. Ученый трактует коммеморативы в широком смысле, относя к ним названия-посвящения географическим объектам, а не выдающимся людям [16].

Названия посвященных памятных объектов формируются в результате универсального для всех лингвокультур и национально-специфического в каждой конкретной лингвокультуре процесса героизации и являются частью героической парадигмы, которая трактуется нами как открытая сложная система концептов, в которой отражаются, ценностные, культурные, идеологические и экономические особенности общества. «В основе героической парадигмы лежит не всегда четкое противопоставление концептов ГЕРОЙ — АНТИГЕРОЙ в конкретной лингвокультуре, приводящее к дегероизации при смене идеологии и непосредственно связанных с идеологией общественных ценностей» [15].

Рассматриваемые в работе коммеморативы являются идеологемами, трактуемые вслед за Е. Г. Малышевой как «единицы когнитивного уровня — особого типа многоуровневые концепты, в структуре которых (в ядре или на периферии) актуализируются идеологически маркированные концептуальные признаки, заключающие в себе коллективное, часто стереотипное и даже мифологизированное представление носителей языка о власти, государстве, нации, гражданском обществе, политических и идеологических институтах». По мнению Е. Г. Малышевой, идеологема как ментальная единица характеризуется: национальной специфичностью, динамичностью семантики, повышенной аксиологичностью, частотностью и разнообразием способов репрезентации знаками различных семиотических систем, в том числе и языковой [10. С. 35].

Е. А. Нахимова считает, что при когнитивном подходе идеологема рассматривается как феномен, формирующий концептуальные схемы и категории, обуславливающий процессы восприятия, обработки и оценки получаемой информации о том или ином идеологически значимом объекте. Смысловое содержание и эмоциональная окраска идеологем могут неодинаково восприниматься адресатами, поскольку идеологема репрезенти-

руют специфический взгляд на соответствующую реалию. По определению Е. А. Нахимовой, идеологема — ментальная единица, в состав которой входит идеологический компонент и которая, как правило, репрезентируется словом или устойчивым словосочетанием [12. С. 153]. Н. И. Клушина обобщает исследования российских ученых о способах реализации идеологем. Буква, морфема, слово, концепт, ментальная схема, стереотип — это идеологема постфактум, это формы ее бытования, «оболочка», в которую она заключается и хранится в нашем сознании [7. С. 56]. Н. И. Клушина определяет идеологему как заранее заданную идею, которая ложится в основу номинации и ориентирует массовое сознание в нужном направлении [7. С. 56—57]. Идеологема, по мнению И. Г. Вепревой и Т. А. Шадринной, — это единица идеологической системы, находящая свое вербальное выражение, знак идеологии [2]. Г. Ч. Гусейнов допускает признание языковой единицы в качестве идеологема только в том случае, если она воспринимается таковой современниками. «Критерием принадлежности фрагмента языка к идеологеме служит именно документированное узнавание его в качестве таковой современниками» [5. С. 29]. Н. А. Купина определяет идеологему как слово (или составное наименование), в семантике которого есть идеологический компонент, как языковую единицу, семантика которой покрывает идеологический денотат или накладывается на семантику, покрывающую денотат неидеологический [8. С. 183].

М. И. Шкредова приводит следующие характеристики идеологем: устойчивость, клишированность, мифологизированность, стереотипность, наличие в значении культурного компонента, обозначение политической реалии как элемента идеологии [22. С. 10]. В качестве обязательных признаков идеологема А. Р. Гизатуллина и М. И. Гумерова выделяют аксиологичность/идеологичность (способность определять мотивацию поступков, формировать картину мира); оценочность; повторяемость, актуализацию в пределах дискурса, метаконтекста [4. С. 95]. М. М. Михайловская, обобщая определения идеологема Г. Ч. Гусейнова, Е. Г. Малышевой и Н. И. Клушиной, справедливо полагает, что идеологема представляет собой: объективирующиеся в дискурсе с помощью вербальных и невербальных средств идеологические, политические и социальные установки; многоуровневый концепт; когнитивную универсалию различных

уровней; единицу идеологической картины мира, обладающую оценочной коннотацией и функцией воздействия [11].

Для анализируемого в статье эмпирического материала релевантными считаем следующие особенности идеологем-коммеморативов: аксиологическая составляющая, контекстная обусловленность, оценочность, универсальность и национально-культурная специфичность или национально-культурная обусловленность, динамичность семантики [См. подр.: 20]. Частично применив классификацию идеологем Е. Г. Малышевой к названиям памятных объектов, выделим идеологемы-коммеморативы, которые по характеру концептуализированной информации представлены идеологемами-понятиями (мемориальный комплекс *Аллея славы*) и идеологемами-архетипами (памятники *Ленину*, *Карлу Марксу*). В связи с актуальностью/неактуальностью идеологемы в современной идеологической картине мира представлены идеологемами-историзмами или событийными идеологемами по классификации Б. М. Пионтек [14] (*Жертвам расстрела 1903 г., Павшим революционерам*) и новоидеологемы (*Чехословацким легионерам, Жертвам политических репрессий*). С точки зрения восприятия идеологем-коммеморативов существуют универсальные, обобщающие, встречающиеся повсюду названия (*Вечный огонь, Воину-освободителю*), внутринациональные и уникальные названия (*Ленину — почетному насекальщику, установленному и находящемуся в настоящее время на территории напилочного завода в г. Миасс Челябинской области, Павшим в боях за Родину воинам-чебаркульцам*).

В названиях памятных объектов Челябинской области используются как **личностные**, так и **обобщающие героические идеологемы**. **Личностные героические идеологемы** — это коммеморативные названия памятных объектов локального регионального пространства, посвященные отдельным выдающимся личностям. **Обобщающие героические идеологемы** — это коммеморативные названия памятных объектов локального регионального пространства, в которых отсутствуют посвящения отдельным выдающимся личностям. Н. И. Клушина относит к личностным идеологемам идеологемы, которые концептуализируют руководителя государства и других политических лидеров — героев и антигероев своего времени [6]. Личностные концепты конкретных политических деятелей рассматривает Г. Г. Слышкин [18].

Памятники выдающимся людям и мемориальные памятные доски Челябинской области отличаются не только однообразием формы, но и одинаковыми для российских городов посвящениями, обусловленными обязательными для героизации списками людей в соответствии с советской коммеморативной практикой. Единообразие и повтор наименований памятников доперестроечной эпохи можно считать общей закономерностью коммеморативов советской монументальной скульптуры. Следует подчеркнуть идеологический характер таких названий, о чем свидетельствуют многочисленные памятники *Ленину, Павшим революционерам, Вечному огню, Добровольцам-танкистам*.

Личностные героические идеологемы представлены в многочисленных названиях памятников и памятных досок, посвященных жителям Челябинска — участникам войн: героям-афганцам *Е. В. Бондаренко, С. Д. Вечкутову, А. В. Лукину, героям Великой Отечественной войны И. М. Глухих, Г. С. Кузнецову, Альберту Хесслеру, С. В. Хохрякову, Солдату Володе, Алеше* (народное название памятника, установленного перед школой № 1 Челябинска). Коммеморатив *Орленок* — название памятника федерального значения, символизирующего обобщенный образ комсомольцев — героев Октябрьской революции и Гражданской войны на Урале. Следует отметить, что надписи на мемориальных объектах увековечивают память конкретных героев, в основном воинов-афганцев, в то время как названия памятников героям Великой Отечественной и Октябрьской Революции являются обобщающими, представленными как словосочетаниями с существительными во множественном числе, так и одним существительным во множественном числе: *Воинам депо, павшим в боях за Родину, Сотрудникам трамвайного депо, погибшим в годы Великой Отечественной войны, Выпускникам и учителям школы № 1, погибшим в годы Великой Отечественной войны, Погибшим медикам Челябинска, Памяти погибших работников кожевенного завода, Горнякам шахты 21-22-23, погибшим в годы Великой Отечественной войны, Воинам Отечества, Красногвардейцам-шахтерам, Добровольцам-танкистам, Павшим революционерам, Воинам-интернационалистам, Воинам-пограничникам, Солдатам правопорядка, Героям фронта и тыла, Танкистам, Автомобилистам* и др.

Обобщающие коммеморативы свидетельствуют об участии южноуральцев — представителей

многих мирных и военных профессий в Великой Отечественной войне. К обобщающим коммеморативам отнесем и коммеморативы-существительные в единственном числе: *Солдату, Орленку, Казачку, Танкисту и летчику, Воину-освободителю, Ветерану, Пролетарию, Врачу, Поклон тебе, сестричка*. Максимально обобщающими героически идеологемами-коммеморативами считаем коммеморативы *Защитникам Родины, Ветеранам — участникам всех войн, Воинам, умершим от ран в госпиталях, Борцам революции*. К профессиональным обобщающим коммеморативам относятся и памятные названия памятников представителям мирных профессий, закономерных для промышленного региона: *Доменщику, Металлургу, Кузнецу, Горнякам, шахтерам, горноспасателям, Нефтедобытчикам, Ликвидаторам радиационных аварий и катастроф, Первым комсомольцам-строителям Магнитки*. Обобщающие коммеморативы могут сопровождаться не только конкретизацией профессиональной деятельности героев и временных рамок героического события, но и топонимической конкретизацией: *Жителям поселка Челябинск-Южный, погибшим в годы войны, Работникам прокуратуры Челябинска — участникам Великой Отечественной войны, Жителям поселка Старокамышинск, погибшим в годы Великой Отечественной войны, Павшим в боях за Родину воинам-чебаркульцам, Погибшим жителям поселка Северный Рудник, Шахтерам поселка Октябрьский*.

В обобщающих коммеморативах встречается конкретизация хронологии: *Жертвам расстрела 1903 г., Погибшим в годы Гражданской войны, Героям тыла Великой Отечественной войны 1941—1954*. Возрастная составляющая в обобщающих коммеморативах встречается лишь в нескольких посвящениях: *Ветерану, Ветеранам, участникам всех войн, Детям, погибшим в годы войны, Вечная слава детям, павшим в годы Великой Отечественной войны*.

Разнообразные личностные коммеморативы представлены названиями памятников, барельефов и бюстов писателям (*Н. В. Гоголю, А. М. Горькому*), поэтам (*А. С. Пушкину, Мусе Джалилю*), музыкантам (*П. И. Чайковскому, С. С. Прокофьеву*), актерам (*Б. В. Щукину, М. С. Щепкину*), сохранившиеся, перемещенные или уничтоженные памятники военным (*Г. К. Жукову, А. В. Суворову*), политическим деятелям (*М. И. Калинину, С. М. Кирову*), никогда не бывавшим в регионе. Следует отметить, что список обязательных коммеморативов дополняют много-

численные коммеморативы, посвященные известным личностям, связанным с Челябинской областью. Среди них памятники горному инженеру *П. П. Аносову*, создателю златоустовской гравюры на стали *И. Н. Бушуеву* в Златоусте, *Устроителю южноуральского края Ивану Неплюеву* в Троицке, физику *И. В. Курчатову* в Челябинске, создателю научно-конструкторской школы морского стратегического ракетостроения *В. П. Макееву* в Миассе, директорам заводов (*Я. П. Осадчому, В. М. Илейко*), шахт (*С. В. Коменданту*), политикам (*Н. С. Патолычеву*), писателям (*А. А. Шмакову*), даже литературным героям (*Василию Теркину*, прообразом которого является уроженец Сатки Григорий Лаптев, *Левие, подковавшему блоху*) и др.

Оправданным является утверждение о том, что аксиологический модус некоторых идеологем может значительно изменяться [21; 3]. Новые коммеморативы Челябинской области не многочисленны, хотя их появление можно считать тенденцией изменить явное доминирование коммеморативных практик советской эпохи в лингвистическом ландшафте региона, героизируя антигероев недавнего прошлого. К новым обобщающим героическим идеологемам отнесем коммеморативы *Чехословацким легионерам, Жертвам политических репрессий*. Реактуализированной коммеморативной личностной идеологемой считаем недавно открытый в Челябинске памятник *П. А. Столыпину*, а также неоднозначно воспринимаемое решение городской администрации установить напротив церкви памятник *Александру II*, который будет копией аналогичного памятника в Златоусте и выступать противовесом *Памятнику-мавзолею Ленину на Алом Поле* (агороним с революционным названием) недалеко от бывшего Дворца пионеров и монумента *Пионерам-героям*.

Сторонники установки памятника царю объясняют свое решение тем, что раньше площадь называлась Александровской. Проведенный нами 14 февраля 2021 г. контент-анализ комментариев по поводу целесообразности установки памятника *Александру II* показал следующие результаты: всего лишь за полтора часа в Инстаграме урбаниста Льва Владова проголосовали 3500 человек, большинство из которых против установки памятника. В другой социальной сети «ВКонтакте» в опросе об установке памятника, размещенном на публичной странице Льва Владова, приняли участие 12 075 человек, мнения респондентов

разделились практически поровну («за» — 49 %, «против» — 51 % опрошенных). В комментариях к публикациям от 28 января (252 комментария) и 26 января (118 комментариев) на сайте 74.ru также доминирует отрицательное отношение жителей к новому мемориальному объекту.

Анализируя результаты проведенного в социальной сети опроса «Вам нравится идея поставить памятник императору Александру II на Алом Поле?», отметим, что комментарии пользователей не согласуются с результатами голосования, показавшими практически равное количество голосов «за» и «против» установки памятника. Большинство пользователей резко высказываются против установки памятника, подчеркивая неуместность предполагаемой локации данного сооружения, при этом выражая в целом безразличное, нейтральное или положительное отношение к исторической фигуре Александра II. Приведем несколько примеров:

«Российско-имперский» — существенный период нашей истории. Может ли этот период отражаться в архитектуре? В принципе может, почему нет. Можно ли мешать молоку и селедку (лепить «имперский» элемент в советскую среду)? Однозначно НЕТ!

Мне кажется «Алое поле» — это что-то про времена пионери, Советского Союза... ну не про царей.

Как царь, который отменил крепостное право, Александр Освободитель мне симпатичен... Но памятник монарху, который здесь даже не был, — не моё.

Не против императора, но против, чтобы на Алом поле.

Огромное количество мест, где его можно поставить. Куча как пустырей, так и недавно «облагороженных» скверов.

Почему в России в парке обязательно должен быть памятник? Почему парк не может быть просто парком — деревья, лавочки, лужайки — вот это всё? Почему в каждый такой клочок земли надо впахивать чью-то статую?

Мне кажется, это от советского прошлого желание по максимуму нагрузить идеологией каждый клочок земли. Ну это неправильно.

К новым смешанным личностным и обобщающим коммеморативам отнесем надпись на памятной

доске *Декабристам XX в.*, установленной на здании физико-математического лицея № 31, поскольку на ней перечислены имена А. А. Ахматовой, Е. С. Булгаковой, Н. Я. Мандельштам, А. Н. Пирожковой и даже М. Влади.

Следует отметить, что в целом процесс дегероизации в Челябинской области не сопровождается уничтожением идеологических памятных объектов. Некоторые памятники Ленину, Сталину, Дзержинскому перенесены в музеи и советы ветеранов, сохранены представляющие художественную ценность идеологические памятники (*Памятник-мавзолей Ленину*) и не являющиеся значимыми (перенесенный из Тайгинки памятник *И. В. Сталину* в Сатке, что свидетельствует о незаконченном и неоднозначно воспринимаемом населением процессе дегероизации личности Сталина).

Заключение

Проанализированные коммеморативы являются существенной составляющей имиджа региона в целом и регионального лингвистического ландшафта в частности.

Стереотипные названия памятников соответствуют государственной коммеморативной практике недавнего советского прошлого, в то время как новые коммеморативы героизируют его антигероев, с одной стороны, и отличаются расширением сферы героизации, увеличением числа посвященных названий региональным героическим личностям, с другой стороны. Названия памятников либо конкретизированы, либо обобщены, в то время как названия памятных досок в основном репрезентированы личностными героическими идеологемами. Личностные героические идеологемы представлены в основном коммеморативами героям войн, политикам, директорам крупных заводов области. В большинстве обобщающих коммеморативов реализуется профессиональная, локальная и временная составляющие, в максимально обобщающих памятных названиях локальная и временная конкретизация отсутствует. В номинациях памятных объектов Челябинской области в настоящее время проявляется стремление сбалансировать соотношение коммеморативов советского периода и коммеморативов дореволюционного прошлого.

Список литературы

1. Большая советская энциклопедия. URL: <https://biblioclub.ru/index.php?page=dict&termin=726349> (дата обращения 15.06.2021).

2. Вепрева И. Т., Шадрина Т. А. Идеологема и мифологема: интерпретация терминов // Научные труды профессоров Уральского института экономики, управления и права. 2006. № 3. С. 120—131.
3. Гаврилова М. В. Понятие «патриотизм» в русском политическом дискурсе начала XXI века // Новая Россия: новые явления в языке и науке о языке: материалы Всеросс. науч. конф. Екатеринбург, 2005. С. 486—496.
4. Гизатуллина А. Р., Гумерова М. И. Идеологема постперестроечного периода как фактор формирования нового сознания: общая характеристика (на материале газеты «Известия») // Политическая лингвистика. 2015. № 3 (53). С. 95—10.
5. Гусейнов Г. Ч. Советские идеологема в русском дискурсе 1990-х. М.: Три квадрата, 2004. 272 с.
6. Клушина Н. И. Стилистика публицистического текста. М.: Медиа-Мир, 2008. 242 с.
7. Клушина Н. И. Теория идеологема // Политическая лингвистика. 2014. № 4/50. С. 54—58.
8. Купина Н. А. Языковое строительство: от системы идеологема к системе культурем // Русский язык сегодня. М.: Азбуковник, 2000. С. 182—189.
9. Леонтович О. А. Brexit: жизнь слова в политическом дискурсе // Язык и культура. 2020. № 52. С. 51—66.
10. Малышева Е. Г. Идеологема как лингвокогнитивный феномен: определение и классификация // Политическая лингвистика. 2009. № 4 (30). С. 32—40.
11. Михайловская М. М. Идеологема как элемент глобального вертикального контекста // Язык. Культура. Перевод. Коммуникация: сб. науч. тр. М.: Изд. дом МГУ, 2018. С. 374-377.
12. Нахимова Е. А. Идеологема Сталин в современной массовой коммуникации // Политическая лингвистика. 2011. № 2 (36). С. 152—156.
13. Памятные доски и памятники Челябинска и Копейска (2017—2018): путеводитель / ред. В. Б. Феркель. Челябинск, 2018. 241 с. URL: <https://chelchel-ru.livejournal.com/1521011.html> (дата обращения 10.06.2021).
14. Пионтек Б. М. Общеязыковые факторы генезиса идеологема как категории политической лингвистики: на материале польского и русского языков. М., 2012. 25 с.
15. Питина С. А., Таскаева А. В. Личностные идеологема (на материале названий аэропортов) // Вестник Челябинского государственного университета. 2020. № 11 (445). С. 94—102.
16. Разумов Р. В. Посвящения географическим объектам в системах урбанонимов русских городов // Вестник Костромского государственного университета. 2015. № 3. С. 127—130.
17. Словарь русского языка С. И. Ожегова. URL: <https://slovarozhegova.ru/word.php?wordid=19835> (дата обращения 15.06.2021).
18. Слышкин Г. Г. Государственные деятели: след в языковом сознании // Обозреватель-Observer: научно-аналитический журнал. 2004. № 8 (175). С. 116—125.
19. Соколова О. М. Коммеморативные практики в культурном пространстве современного белорусского города // Культура в евразийском пространстве: традиции и новации. 2019. № 1/3. С. 97—108.
20. Таскаева А. В. Исследование героических образов в рамках теории идеологема // Художественное произведение в современной культуре: творчество — исполнительство — гуманитарное знание. Челябинск, 2019. С. 216—222.
21. Шейгал Е. И. Семиотика политического дискурса. М., 2004. 326 с.
22. Шкредова М. И. Советизмы в эмигрантской прозе. Архангельск, 2014. 23 с. URL: <https://narfu.ru/upload/iblock/993/avtoferat-shkredovoy.pdf>. (дата обращения 08.06.2021).

Сведения об авторах

Питина Светлана Анатольевна — доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры теоретического и прикладного языкознания Челябинского государственного университета. sap.pitina@rambler.ru

Таскаева Анна Вячеславовна — кандидат филологических наук, доцент, зав. кафедрой иностранных языков Южно-Уральского государственного института искусств имени П. И. Чайковского; доцент кафедры восточных и романо-германских языков Челябинского государственного университета. taskaeva_anna@bk.ru

Bulletin of Chelyabinsk State University.
2021. No. 9 (455). Philology Sciences. Iss. 126. Pp. 120—127.

REGIONAL NAMES OF COMMEMORATIVE OBJECTS OF CHELYABINSK REGION AS PART OF HEROIC PARADIGM

S. A. Pitina

Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russia. sap.pitina@rambler.ru

A. V. Taskaeva

*South Ural State Institute of Arts named after P. I. Tchaikovsky, Chelyabinsk, Russia;
Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russia. taskaeva_anna@bk.ru*

The study of regional names of commemorative objects on the material of Chelyabinsk monuments and plaques helps to understand the evolution of commemorative names and their role in creating regional image which is considered relevant in the period of search for new values and rethinking the old ones as well as preserving historical memory. It is argued that commemorative names are formed as a result of glorification. Commemorative names are viewed as heroic ideologemes. The integral approach is used to view the language and conceptual meanings of heroic ideologemes and the language forms that realize them. The language and cultural analysis is applied to define universal characteristics and unique regional peculiarities of commemorative names representation. It is established that commemorative names include axiological constituent, they are contextually conditioned, they possess evaluativeness, dynamism of semantic, can be universal and nationally and culturally specific. The names of monuments are either concrete or general while the names of commemorative plaques are mainly represented by personal heroic ideologemes. Generalizing commemorative names can realize verbally expressed professional, special, temporal and even age parameters. Personal commemorative names are represented mainly by the names of heroes-participants of various wars, famous citizens of the region and by the names of outstanding people not connected with the South Ural. New regional commemorative names reflect the tendency to revive antiheroes of the past and to reduce the disproportion between the Soviet period commemorative names and new heroic personal names.

Keywords: *commemorative name; personal heroic ideologeme; generalizing heroic ideologeme; glorification; heroic paradigm.*

References

1. Bol'shaja sovetskaja entsiklopedija [Great Soviet Encyclopaedia], available at: <https://biblioclub.ru/index.php?page=dict&termin=726349> (accessed 15.06.2021) [in Russ.].
2. Vepreva I. T., Shadrina T. A. (2006) *Nauchnye trudy professorov Ural'skogo instituta jekonomiki, upravlenija i prava*, no. 3, pp. 120—131 [in Russ.].
3. Gavrilova M. V. (2005) Ponyatie «patriotizm» v russkom politicheskom diskurse nachala XXI veka [The concept of 'patriotism' in Russian political discourse at the beginning of the XXI century]. *Novaja Rossia: novye javlenia v jazyke i nauke o jazyke* [New Russia: new phenomena in language and the science of language]. Ekaterinburg. Pp. 486—496 [in Russ.].
4. Gizatullina A. R., Gumerova M. I. (2015) *Politicheskaja lingvistika*, no. 3 (53), pp. 95—10 [in Russ.].
5. Guseinov G. Ch. (2004) Sovetskie ideologemy v russkom diskurse 1990-h [Soviet ideologemes in Russian discourse in the 1990s]. Moscow, Tri kvadrata. 272 p. [in Russ.].
6. Klushina N. I. (2008) *Stilistika publitsisticheskogo teksta* [Stylistics of a Journalistic Text]. Moscow, Media-Mir. 242 p. [in Russ.].
7. Klushina N. I. (2014) *Politicheskaja lingvistika*, no. 4 (50), pp. 54—58 [in Russ.].
8. Kupina N. A. (2000) *Russkij jazyk segodnja* [Russian Language Today]. Moscow, Azbukovnik. Pp. 182—189 [in Russ.].
9. Leontovich O. A. (2020) *Jazyk i kul'tura*, no. 52, pp. 51—66 [in Russ.].
10. Malysheva E. G. (2009) *Politicheskaja lingvistika*, no. 4 (30), pp. 32—40 [in Russ.].
11. Mihailovskaja M. M. (2018) Ideologema kak element global'nogo vertikal'nogo konteksta [Ideologeme as an element of the global vertical context]. *Jazyk. Kul'tura. Perevod. Kommunikatsiya* [Language. Culture. Translation. Communication]. Moscow, Moscow Univ. Publ. Pp. 374—377 [in Russ.].

12. Nahimova E. A. (2011) *Politicheskaia lingvistika*, no. 2 (36), pp. 152—156 [in Russ.].
13. Ferkel' V. B. (ed.) (2018) *Pamiatnye doski i pamiatniki Chelyabinska i Kopeyska (2017—2018)* [Commemorative plaques and monuments of Chelyabinsk and Kopeysk (2017—2018)], available at: <https://chelchel.ru.livejournal.com/1521011.html> (accessed 10.07.2021) [in Russ.].
14. Piontek B. M. *Obshchejazykovye faktory genezisa ideologemy kak kategorii politicheskoy lingvistiki: na materiale pol'skogo i russkogo jazykov* [General linguistic factors of the genesis of ideologema as a category of political linguistics: on the material of the Polish and the Russian languages]. Moscow, 2012. 25 p. [in Russ.].
15. Pitina S. A., Taskaeva A. V. (2020) *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta*, no. 11 (445), pp. 94—102 [in Russ.].
16. Razumov R. V. (2015) *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta*, no. 3, pp. 127—130 [in Russ.].
17. *Slovar' russkogo jazyka S. I. Ozhegova* [Dictionary of the Russian language by S. I. Ozhegov], available at: <https://slovarozhegova.ru/word.php?wordid=19835> (accessed 15.07.2021) [in Russ.].
18. Sokolova O. M. (2019) *Kul'tura v evrazijskom prostranstve: tradicii i novacii*, no. 1 (3), pp. 97—108 [in Russ.].
19. Taskaeva A. V. (2019) *Issledovanie geroicheskikh obrazov v ramkah teorii ideologem* [Research of heroic images in the framework of the theory of ideologemes]. *Hudozhestvennoe proizvedenie v sovremennoy kul'ture: tvorchestvo — ispolnitel'stvo — gumanitarnoe znanie* [Artistic work in modern culture: creativity — performance — humanitarian knowledge]. Chelyabinsk. Pp. 216—222 [in Russ.].
20. Slyshkin G. G. (2004) *Obozrevatel'-Observer: nauchno-analiticheskij zhurnal*, no. 8 (175), pp. 116—125 [in Russ.].
21. Sheigal E. I. (2004) *Semiotika politicheskogo diskursa* [Semiotics of Political Discourse]. Moscow, 326 p. [in Russ.].
22. Shkredova M. I. *Sovetizmy v emigrantskoj proze* [Sovietisms in prose of emigrants]. Arhangel'sk, 2014. 23 p., available at: <https://narfu.ru/upload/iblock/993/avtoreferat-shkredovoy.pdf> (accessed 8.07.2021) [in Russ.].